

Борис Титов

МАНИПУЛЯТОР

Психологический триллер

16+

Борис Александрович Титов

Манипулятор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693194

SelfPub; 2019

Аннотация

Герой, а вернее, антигерой психологического триллера «Манипулятор» – талантливый психолог, мастер манипулирования сознанием и поведением человека. Внося сумятицу в повседневную жизнь героини повести, попавшей в отчаянную жизненную коллизию, он заставил поверить в него, внушил свою значимость, убедил в необходимости слепо следовать за ним и подвел к решению уйти от мужа в надежде сделать ее своей женой. Но можно ли заставить любить, или это неподвластно даже виртуозу манипулирования?

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай — не круги во дворце мироздания,

Ад и рай — это две половины души.

Омар Хайям

На пустынном пляже в полуразбитой рыбацкой лодке сторбившись сидел молодой мужчина. Вся его поза выражала отчаяние и глубокую безнадежность. Разгулялась непогода – на берег с ревом и остервенением набрасывались мощные океанские волны. Казалось, что сама природа прониклась мрачным настроением одиноко сидящего человека. Мир заполнился пронзительной пустотой, краски поблекли, звуки стали глухими, лица застыли неподвижными масками, и только одно лишь солнце, пытавшееся пробиться сквозь сжимающееся кольцо окружающих его туч, тускло светило на горизонте, напоминая о бесконечности жизни.

Мамы не стало, и жизнь потеряла всякий смысл. С ее уходом он впал в совершеннейшую апатию, и ничто не могло вывести его из этого состояния.

«Господи, за что? За что Ты забрал ее у меня? Разве Ты не видишь, как мне одиноко и плохо без нее?»

Он с ужасом подумал о варварском обычае умерщвления своих родителей во многих древних цивилизациях. В Греции одряхлевших стариков сбрасывали со скал, на Руси немощных родителей отправляли в глухой лес на поги-

бель, а в бюрократизированном Китае в семьи, где были старики, чиновники присылали конверты с шелковыми шнурами, которые дети должны были затянуть на шее «лишних ртов». Странно, но у японцев обычай «убасутэ», что означает «отказ от старухи», существовал вплоть до XIX века.

Какая возмутительно дикая традиция! Никакие обстоятельства не смогли бы заставить его ускорить смерть матери. Наоборот, он не колеблясь отдал бы свою никчемную, никому, кроме нее, не нужную жизнь, лишь бы она жила долго и счастливо!

Мама заполняла всю его жизнь, была ее смыслом. Тоска по ней изматывала его. В его жизни не было ничего, что помогло бы пережить ее потерю. Из него словно вынули бóльшую часть души, а на этом месте образовалась незаживающая кровоточащая рана.

Никогда он уже не ощутит тепло ее ласковых рук, не увидит милой, доброй улыбки, не услышит искренних слов одобрения и поддержки, которые она произносила с выражением бесконечной любви к сыну и гордости за него. Теперь никто не прижмет его голову к своей груди в минуты отчаяния, никто не приласкает его так, как могла это сделать лишь одна она, никто с неподдельным интересом не станет расспрашивать его о том, как прошел день, как обстоят дела на работе...

Он всегда рассказывал матери о сложных случаях из своей практики, а она, с нежностью глядя на него, внимательно

слушала и говорила: «Какой же ты у меня, Сереженька, умница! Я уверена, что ты сможешь этим людям найти выход из сложившейся ситуации». И он, окрыленный верой мамы в него, с утроенной энергией и энтузиазмом помогал своим клиентам справляться с проблемами.

***

Лена (так звали его мать) была родом из небольшого городка на побережье Балтийского моря. В юности ее отец служил в НКВД – впрочем, недолго. В конце сороковых его арестовали по ложному обвинению и приговорили к десяти годам лагерей. После смерти Сталина отца освободили и реабилитировали. Но вернуться на службу ему не позволили.

– Нужен был – тигром сделали, нужда прошла – в мышь превратили, — с горечью говорил отец.

Человеком он был жестким, если не сказать жестоким, что, впрочем, совсем неудивительно – при такой-то работе... Его жена, будучи от природы женщиной кроткой, боялась мужа до обморока. Все приказания мужа – а никаким иным образом он с ней и не общался – женщина выполняла мгновенно и беспрекословно.

Леночка была поздним ребенком, но отнюдь не балованным. Ее воспитанием занимался исключительно отец, с помощью нотаций старавшийся внедрить в ее сознание собственные представления о том, что такое хорошо и что такое

плохо, а также что должна и что не должна делать хорошая девочка. Мать лишь изредка, да и то украдкой, могла приласкать дочь. Зато жившая неподалеку бабушка, не слишком жаловавшая зятя, но нежно любившая внучку, с лихвой компенсировала ей недостаток тепла в семье. Лена забегала к ней при каждом удобном случае и только «бабулечке» поверяла свои секреты. Девочка не доставляла родителям особых проблем и была в классе одной из первых учениц. Окончив школу с золотой медалью, Лена заявила отцу, что поедет в Ленинград – поступать в педагогический институт. Отец, который и мысли не допускал, что его дочь когда-нибудь покинет дом, пришел в ярость. Все должно было идти по разработанному им плану: она окончит местный институт, потом он выдаст ее замуж за порядочного, хорошо обеспеченного, солидного человека и они родят ему парочку внуков, которых он тоже научит правильно жить. И вдруг — на тебе, Ленинград, огромный город, полный опасностей и соблазнов для юной невинной девушки... Нет, нет и еще раз нет! Вот тут-то и нашла коса на камень. Выяснилось, что при всей хрупкости и внешней покладистости характером Леночка пошла в отца, а он у него был стальным. После многодневных уговоров, криков, споров и угроз девушке все-таки удалось настоять на своем, и она отправилась в Северную столицу. Лена с легкостью сдала полагавшийся ей, как обладательнице золотой медали, единственный экзамен и получила заветный студенческий билет.

***

История его рождения была печальной. В детстве мама, катаясь на санках, провалилась под лед Балтийского моря, жестоко застудилась и, по прогнозам врачей, не должна была иметь детей.

На первом курсе учебы у мамы завязался роман с однокурсником, и к концу обучения произошло чудо – она забеременела. Молодой человек, знавший о ее проблеме и клявшийся в любви, отреагировал на создавшуюся ситуацию омерзительным образом.

– Теперь, — без тени смущения сказал он, — когда ты знаешь, что способна иметь детей, сделай аборт – сейчас я к отцовству не готов. Мы окончим институт, поженимся, встанем на ноги, и тогда все пойдет своим чередом.

Эти слова обожгли маму адским пламенем. Здесь, на земле, пусть даже грешной, такого коварства быть не могло. «Впрочем, это и есть наказание за мою легкомысленность», — подумала она, но собралась и ответила:

– А с чего это ты взял, что я намереваюсь выходить за тебя замуж? Да и ребенок не от тебя. От тебя я два года не могла забеременеть, — повернулась и, как сомнамбула, удалилась в пустоту.

Два дня Лена бессмысленно блуждала по городу, не желая ни с кем обсуждать случившееся. Собравшись с духом, она

поехала к родителям и рассказала им свою историю. Воцарилась гнетущая тишина. Потом раздались тихие всхлипывания матери.

— Я надеюсь, что тот, кто тебя обрюхатил, собирается на тебе жениться? — из последних сил сдерживая готовый выплеснуться наружу гнев, сдавленным голосом спросил отец.

— Насколько мне известно, нет, — с вызовом ответила Лена. — Да даже если бы он умолял меня, я бы все равно за него не вышла!

— Ах, значит, вот оно как...

Отец встал из-за стола и со словами: «Ты опозорила нас, и теперь ты нам больше не дочь!» распахнул дверь в темный и затхлый подъезд.

На улице ее нагнала мать, сунула в руки деньги и, словно боясь, что их кто-то может подслушать, шепнула на ухо: «Иди к бабушке, я ей позвоню».

Лена еще долго бродила по маленькому приморскому городку и, когда небо начало чернеть и сквозь образовавшуюся темень стали прорезаться звезды, позвонила в бабушкину квартиру. Дверь тут же отворилась, и к ней навстречу бросилась сухонькая старушка.

— Господи, я уже вся извелась, уж и не знаю, что думать, куда бежать! Да заходи же ты, раздевайся, холодная как ледышка, пойдем, попьем горячего чаю. А может, в ванную? Продрогла ведь как!

Лена обняла бабушку и первый раз за эти предательские

дни заплакала.

— Плачь, милая, плачь, выплечешь свое горюшко — и полегчает, — приговаривала бабушка, целуя ее в залитое слезами лицо.

По окончании института Лена устроилась воспитательницей в интернат, где вместе с работой ей предоставили служебную жилплощадь. Жизнь родившегося здесь Сережи мало чем отличалась от унылого существования интернатских детей. Все они пребывали в тоскливом ожидании мамы и папы. Мама у Сережи была, а вот ожиданием папы он «заразился» у интернатских детей и вместе со всеми тайно надеялся, что и его отец найдется.

***

Спустя несколько лет мать и сын получили небольшую квартирку на окраине города, и Лена наконец-то смогла начать работать по специальности — преподавать историю. Свой предмет она знала блестяще, излагала его доступно и увлекательно, была строга, но справедлива и по этим причинам пользовалась у своих учеников авторитетом и уважением.

Лена никогда и ничего не рассказывала Сергею о его отце, да и рассказывать, в сущности, было нечего. Отношений с мужчинами она не заводила. И вовсе не потому, что боялась их или испытывала к ним отвращение, а потому, что ей

просто не было до них дела. Всю себя без остатка Лена отдавала сыну и работе. Причем Сережа всегда и безоговорочно был на первом месте. Без памяти любя сына, она вкладывала в его воспитание всю душу, стремясь вырастить из него образованного и в высшей степени достойного человека. Лена никогда его не наказывала, предпочитая проводить с ним так называемые беседы, которые по форме и содержанию очень напоминали нотации ее собственного отца: «Твоя задача – сформировать свой характер, характер неустрашимый, целеустремленный, правдивый и трудолюбивый. На этих основных качествах развивается личность. Хочешь быть успешным и счастливым – постоянно познавай себя. Знание себя превыше всех знаний. Для того чтобы жизнь изменялась к лучшему, изменяй к лучшему себя», «Если человек имеет десять плохих качеств и одно хорошее, надо смотреть на десять плохих сквозь призму хорошего – и тогда через твою доброту и милосердие эти десять качеств озарятся светом добра и человек неизбежно станет лучше».

Несмотря на эту ее маленькую слабость, Сергей боготворил свою мать, для него она была идеальной женщиной, олицетворением доброты, кротости и самопожертвования.

Умирая от рака в возрасте пятидесяти четырех лет, Лена смиренно принимала этот последний удар судьбы. Мучаясь от жестоких болей, она находила утешение в мысли о том, что, чем сильнее она будет страдать, тем более легкую жизнь проживет ее Сереженька, ради которого она всегда была го-

това на любую жертву.

***

С самого первого класса Сергей был круглым отличником, а их, как известно, одноклассники обычно не слишком жалуют, подозревая (чаще всего безосновательно) в подхалимаже и доносительстве. Сближению мальчика со сверстниками очень мешало еще и то обстоятельство, что его мать работала в той же школе, а это, естественно, усиливало их недоверие по отношению к нему. Так что, несмотря на неоднократные попытки, подружиться с ребятами ему так и не удалось. Правда, по тем же причинам они его не слишком-то и третировали – если и пакостничали, то исподтишка. Но после того, как Сергей подловил одного из своих обидчиков и как следует его отметелил, одноклассники оставили его в покое и даже стали проявлять к нему некое подобие уважения. Но в целом это происшествие ситуацию не изменило. К тому же мать Сергея, исповедовавшая толстовский принцип непротивления злу насилием, была крайне возмущена его, как она выразилась, выходкой и категорически запретила ему впредь решать проблемы подобным образом.

– Но мама, ведь не я первый начал! — пытался было возразить мальчик. — С какой стати я должен терпеть их выходки? У меня и так нет ни одного друга в классе, а теперь они хотя бы будут знать, что со мной лучше не связываться.

– Запомни, сынок: кулаки пускают в ход только люди слабые духом, не уверенные в себе и, прямо скажем, не обезображенные интеллектом. Слава богу, ты у меня совсем не такой. Поверь: пройдет время – и люди начнут ценить и уважать тебя за честность, порядочность и, конечно же, за ум и знания. И вот тогда-то у тебя и появятся настоящие друзья. Как писал великий Омар Хайям:

*Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*

Запомни эти слова.

И Сергей запомнил и эти слова, и имя поэта. Позже он купил сборник рубаи Омара Хайяма и многие из его стихов выучил наизусть.

***

На формирование его личности значительное влияние оказал дед. И вряд ли Сергей был благодарен ему за тот след, что он оставил в его душе.

Когда Сережа родился, бабушка долго уговаривала деда смягчить свое сердце и принять дочь с внуком. Наконец он уступил, но с одним условием:

– Ребенка, так и быть, можешь брать на лето, а ее чтобы и духу здесь не было!

Так, начиная с пяти лет, почти каждый год Сережа гостил у стариков. Дед посылал за ним бабушку, которая должна была забрать внука и, ни в коем случае не задерживаясь ни на один день, вернуться обратно. Доставка внука домой осуществлялась точно таким же образом. Дед словно под микроскопом рассматривал каждое его слово, каждый жест, каждый поступок, чтобы, не дай бог, не допустить в его воспитании той оплошности, которую, как он считал, совершил в воспитании дочери. Все действия мальчика подробно анализировались и долго обсуждались в контексте возможных негативных последствий. Редкое деяние маленького Сережи соответствовало высоким требованиям деда. Неправильные, с его точки зрения, суждения пресекались в жесткой форме, за каждым проступком следовало суровое наказание. Бабушке категорически запрещалось жалеть внука и уж тем более вступаться за него.

– Истинный учитель – тот, у кого в сердце сострадание, но в руке палка, — любил повторять дед.

Сережа не всегда осознавал свою вину и подолгу плакал, глядя в окно на недружелюбное море. «Вот вырасту, построю лодку и уплыву на необитаемый остров, где меня никто не тронет», — думал он, и от этого обида с еще большей силой сдавливала горло и слезы текли ручьем.

– Дедушка, а почему наш дом называют «Домом у висе-

лицы?» — как-то спросил Сережа, вернувшись с улицы.

Дед вывел его на балкон, выходящий на небольшую, мощенную камнем площадь.

— Вон видишь красное кирпичное здание напротив? Там в стародавние времена была городская тюрьма. Когда кого-то приговаривали к смертной казни, неподалеку, ближе к нашему дому, устанавливали виселицу и при большом стечении народа вешали преступника.

— Людей что, заставляли смотреть на казнь? — удивился Сережа.

— Почему заставляли? Вовсе нет! Они приходили сами, иногда даже целыми семьями. Думаю, им приятно было осознавать, что справедливость существует и что каждое зло наказуемо. К тому же это была отличная возможность призвать детей к послушанию.

— Но им же, наверное, было страшно, — поежился Сережа.

— Кому?

— Детям.

— А как же, конечно! Но именно страх и воспитывал их. Пугающий образ виселицы врезался в память детей, укоренился в ней, предупреждал об опасности. Они начинали понимать, что если будут непослушными, будут нарушать закон — закончат свои дни в тюрьме, а то и на виселице.

Дед очень неплохо знал историю и, когда пребывал в хорошем расположении духа (что, к сожалению, случалось не

так уж и часто), рассказывал внуку немало интересного.

Наверное, он по-своему любил Сережу. При каждом удобном случае дед цитировал какой-нибудь афоризм или мудрое высказывание кого-нибудь из великих, смысл которых, по его мнению, мог помочь внуку грамотно выстроить свою жизнь и не набить лишних шишек.

Однажды, когда дети играли во дворе, кто-то разбил зеркало на мотоцикле. Поймали соседского мальчишку, а тот свалил все на Сережу.

— Никогда никому не доверяй — и никто тебя не предаст, — наставлял дед внука.

Но чаще всего его методы воспитания были жесткими, если не сказать жестокими.

Как-то после поездки на конный завод, когда переполненный впечатлениями Сережа, резво выскочив из автобуса, бросил на землю проездные билеты, дед возмутился:

— Это что еще за свинство?! Немедленно подними и выброси в урну! Как ты думаешь, для чего она здесь стоит?

Ни слова ни говоря, мальчик выполнил его приказание.

— И эти тоже подними, — ткнул дед пальцем в валявшиеся бумажки. — Вишь, разбросали! Отойдите, — обратился он к стоявшим на остановке женщинам. — Пусть этот будущий дворник наведет здесь порядок — вряд ли из этого балбеса выйдет что-то путное.

— Ну за что вы так пацаненка-то? — попыталась вступить за Сережу одна из женщин, глядя на него с жалостью и

сочувствием.

— А тебя кто спрашивает? — злобно огрызнулся дед.
— Давай топай своей дорогой!

— Вообще-то, я круглый отличник, — робко напомнил Сережа.

— Ой, да знаем мы вас, отличников! Вот твоя мать... — начал было дед и осекся — видно, понял, что сейчас наговорит лишнего. — Да хватит болтать, давай собирай! — рявкнул он на внука.

Давясь слезами гнева и обиды, Сережа молча собрал весь мусор на автобусной остановке и выбросил его в урну. В эти минуты он ненавидел деда лютой ненавистью.

Последний раз Сергей видел деда и разговаривал с ним незадолго до его смерти. Старик был уже совсем слаб и не вставал с постели.

— Я не знаю и не хочу знать, от кого твоя мать родила тебя, — начал дед, велел внуку сесть на стул возле кровати. — Знаю лишь, а точнее абсолютно уверен, что это подлый и мерзкий тип. Ты уже взрослый и не сегодня завтра женишься. И я надеюсь, что ты именно женишься, а не обрюхатишь какую-нибудь несчастную доверчивую дурочку и не бросишь ее с ребенком, который, как и ты, будет расти в убожестве и позоре. Всякий человек, а особенно мужчина, должен отвечать за свои поступки и уж тем более не имеет права обрекать свою кровинку на страдания, которые претерпел ты из-за распутства своей матери и низости отца, хотя это ничто-

жество вряд ли можно так назвать. Прошу тебя запомнить мои слова!

Слушать это Сергею было невыносимо тяжело, поскольку он боготворил свою мать и неуважительное отношение к ней воспринимал как личное оскорбление. Но он знал, что дни деда сочтены, а обидеть умирающего — большой грех. Поэтому слушал старика молча, просто давая ему выговориться. Сергею, несмотря на все то, что ему довелось претерпеть от деда в детстве, было жалко его: человек прожил жизнь, так и не научившись самому главному в ней — любить и прощать.

Дед умер через три дня после их разговора, а бабушка — незадолго до смерти мамы.

***

Профессию психолога Сергей выбрал потому, что не мог найти контакта со сверстниками. Он надеялся, что в процессе обучения научится ладить с людьми и его жизнь изменится к лучшему.

В университете от прочих студентов Сергей отличался серьезностью, целеустремленностью и эрудицией. Но поскольку он нередко позволял себе публично нелестно отзываться о преподавателях и высмеивать сокурсников за дурацкие, с его точки зрения, суждения, то очень скоро заслужил репутацию высокомерного и злобного типа. Впрочем, они ни-

когда не упускали возможности поставить его на место или сделать ему какую-нибудь гадость.

С девушками он не встречался, так как все они казались ему вульгарными и недалекими, а к тому же совсем не походили на его мать, которая была для него идеалом.

Впрочем, на втором курсе ему все же вскружила голову некая Даша. Немолодой профессор, преподававший социальную психологию, создал ей имидж идеальной девушки, и все парни выстроились в очередь с предложениями руки и сердца. По какой-то непонятной Сергею причине «опекун» свел Дашу с ним, и они стали встречаться. Целый год он дарил девушке цветы и провожал до подъезда, пока, то ли из жалости, то ли потому, что он ей до смерти надоел, поскольку дальше целования ручки при прощании дело не шло, а ей требовалось нечто большее, красотка не рассказала ему о том, что встречается с профессором на снимаемой им для любовных утех квартире, и не заявила, что только глупый теленок мог не заметить их связи. Связи этой Сергей действительно не заметил, хотя мог бы давно догадаться по издевательским репликам, бросаемым ему в спину однокурсниками. Но он предпочитал думать, что они просто ему завидуют. Мучительно переживая свое унижение, Сергей написал свой первый рассказ.

ДОЧЬ ТЬМЫ

Однажды к Вельзевулу привели молодую грешницу, дабы он решил, в какой из кругов ада ее отправить. Но она была так хороша собой, что князь тьмы оставил ее при себе, сделав своей наложницей. От этой связи родилась девочка – столь же красивая, как ее мать, и с такими же зелеными светящимися глазами, как у отца. Прошло время, она выросла и превратилась в прекрасную девушку. Она неприкаянно бродила по лабиринтам ада и чувствовала себя очень одинокой. Девушка все чаще вспоминала рассказы матери о том, как ей жилось на земле, о людях, с которыми сводила ее судьба, об их добродетелях и пороках и в какой-то момент поняла, что ей отчаянно хочется увидеть все это собственными глазами. Дочери Вельзевула не стоило большого труда уговорить отца отпустить ее, поскольку он был уверен, что еще один ловец человеческих душ на Земле не будет лишним. Перед расставанием князь тьмы на мгновение закрыл глаза девушки ладонями, и блики адского огня в них погасли. Теперь его дочь ничем не отличалась от простых смертных. Почти ничем...

По набережной южного приморского городка не спеша прогуливался молодой человек. Он приехал сюда в отпуск, остановился в местной гостинице и теперь наслаждался свободой, солнцем и дурманящим ароматом цветущей акации. Вдали возвышалась огромная гора, вдававшаяся далеко в море, словно демонстрируя ему свою мощь, и юноша решил дойти до нее, а заодно осмотреть окрестности.

Уже подходя к цели своего маленького путешествия, он увидел, как у самого ее подножья неожиданно, словно из ниоткуда, возникла стройная девичья фигура. Молодой человек решил подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть девушку, а может быть, даже познакомиться с ней, для того чтобы вместе приятно проводить время. Разумеется, при условии, что она окажется симпатичной. И тут он заметил, что девушка движется в его направлении. Они шли навстречу друг другу, пока не поравнялись. Остановившись, молодые люди встретились взглядами и несколько минут стояли молча. Они словно ожидали чего-то друг от друга. Юноша, даже если бы и захотел, не смог бы вымолвить ни слова — так его поразила ослепительная красота незнакомки. Никогда и нигде он не встречал прекраснее лица и более безупречной фигуры. Она была само совершенство! А взгляд ее зеленых, словно подернутых легкой дымкой глаз завораживал юношу и напрочь лишал его воли и способности здраво мыслить. Желая убедиться, что это не галлюцинация, он коснулся ее руки. Она была теплая и явно принадлежала человеку из плоти и крови. Заметив его жест, девушка усмехнулась.

— Как тебя зовут? — спросил он ее.

— Зови как хочешь, — ответила она. — Мне все равно.

— Я буду звать тебя Афродитой, потому что ты само совершенство, ты божественно прекрасна.

— Божественно? — переспросила она и рассмеялась.

– Божественно! — гулко отозвалось в расщелинах скал.

– Божественно, божественно! — заржало и залаяло во-
круг.

– Пойдем со мной, — сказала она и, взяв его за руку, по-
вела к горной расщелине.

Они шли долго, но никак не могли дойти до горы, кото-
рая, казалось, находилась не так уж и далеко. Время от вре-
мени девушка останавливалась, обвивала шею юноши рука-
ми и подолгу молча всматривалась в его лицо. Ему было сла-
дочно и жутко от ее взгляда. Едва он пытался что-то сказать,
как она прикладывала ладонь к его губам и вела дальше. На-
конец они достигли расщелины и стали спускаться вниз, как
вдруг она исчезла.

Юноша долго искал и звал ее, но все было напрасно. Уже
начинало темнеть, и он медленно побрел к парку, откуда до-
носились звуки музыки.

Навстречу ему с танцевальной площадки устремился люд-
ской поток, и он оказался в кругу танцующих. Круг стано-
вился то шире, то уже, вовлекая его в хоровод.

– Веселей, веселей! — слышалось вокруг. Под влиянием
неведомой силы он двигался все быстрее, и вскоре уже несся
вместе со всеми в бешеном танце.

Вдруг за его спиной прозвучал нежнейший женский го-
лос, с укором вопрошавший: «Милый, почему ты оставил
меня?» Он резко обернулся и увидел ее лицо. Юноша хотел
остановиться, но людской поток увлек его, и теперь все напе-

ребой стали спрашивать, почему он бросил ее одну в горах.

— Но где она? — отвечал он на это. — Где она?

— Я здесь, — слышалось совсем рядом, и мимо него проносились ее завораживающие глаза.

— Где ты? — закричал он.

Стоявшие рядом с ним люди, тревожно перешептываясь, стали поспешно отходить в сторону. Музыка смолкла, танцующие исчезли...

Он побрел по аллее парка, пытаясь отыскать ее в толпе прохожих. Иногда ему казалось, что она идет впереди, — тогда он догонял идущую и окликал, но та не оборачивалась, а когда он брал ее за плечи и поворачивал к себе, то оказывалось, что это была вовсе не она. Иногда ему навстречу шла группа девушек, и каждая из них казалась ему чем-то похожей на нее, и он, не решаясь подойти, долго шел следом за ними, а когда они останавливались и он снова видел их лица, то удивлялся, как мог так ошибиться.

Блуждая по парку в полном отчаянии, он вышел на поляну. Было темно, и только над скамейкой, где сидела пара влюбленных, горел фонарь.

— Вот она, — проскрипело что-то рядом с ним.

— Кто? — спросил он и обернулся.

— Твоя любимая, — прошумела береза и подтолкнула его вперед своими ветвями.

Ему показалось, что девушка, которую обнимал молодой человек, поманила его к себе.

Это была она!

Он кинулся к ней. Она ласково смотрела на него, потом медленно закрыла глаза и подставила ему губы для поцелуя.

— Любимая... — прошептал он и нежно поцеловал ее.

В то же мгновение резкая пощечина обожгла его лицо.

— Уйдем отсюда! — задыхаясь от гнева, выпалила девушка, обращаясь к своему парню. — Он, наверное, пьяный или сумасшедший.

Но тот отодвинул ее в сторону и мощным ударом кулака отправил его в нокаут.

Когда он очнулся, была уже глубокая ночь. Он встал и, преодолевая боль, побрел в гостиницу. Путь ему освещали яркие звезды летнего южного неба.

Войдя в номер, он включил свет и увидел ее, лежавшую обнаженной на кровати. Девушка молча смотрела на него призывным взглядом. Нагая, она была еще прекраснее. Безупречные линии ее тела, алебастровая кожа, ее поза — раскинутые руки, согнутые в коленях, и слегка раздвинутые ноги — пробудили в нем безудержную страсть. Он кинулся к ней, предвкушая сладостное ощущение близости. Девушка всем телом потянулась к нему, он уже успел коснуться ее кончиками пальцев, как вдруг она стала удаляться. Боясь вновь потерять ее, с отчаянным воплем он кинулся за ней. Бег был долгим и изнурительным, и он уже выбился из сил, но она все манила и манила его к себе, и ее губы шептали что-то чувственное и нежное, но он ничего не слышал. Вдруг

девушка вскрикнула, слезы градом полились из ее огромных глаз и она, сжавшись в комок, словно устыдившись своей наготы, стала удаляться с быстротой падающей кометы, оставляя за собой звук, вызывающий у юноши чувство щемящей тоски. Он уже был не в силах преследовать ее, и через мгновение она превратилась в маленькую светящуюся точку в звездном ночном небе.

Он стоял на балконе. Луна ярко освещала кусты сирени и зеленый ковер газона. С высоты четырнадцатого этажа гостиницы был виден весь город. Огни в домах были уже погашены, освещались лишь одни улицы, переплетающиеся между собой как сеть паутины, все нити которой сходились в одну яркую точку, от которой он не мог оторвать взгляда. Вдруг из самого центра этой огненной точки что-то взметнулось ввысь и запорхало, рисуя в ночном небе узоры необычайной красоты. Это была огромная бархатисто-черная бабочка со светящимися магическими знаками на крыльях, изображение которых постоянно менялось.

В ней было что-то зловещее и одновременно завораживающее, что заставляло неотступно следить за ее полетом, имевшим какой-то мучительно-страдальческий смысл. То был полет торжествующей любви, но любви, несущей с собой смерть.

Бабочка подлетела к огромному кусту сирени и села на него, полностью накрыв крыльями с ярким узором, состоящим из больших и маленьких кругов, сочетание которых на-

поминало три шестерки. Она затрепыхалась, пытаясь вновь взлететь, но крылья ее потеряли силу, беспомощно повисли, стали тускнеть, и вот уже мрак окончательно поглотил бабочку вместе с ее необыкновенными крыльями.

Вдруг ему показалось, что он слышит зов возлюбленной.

– Ми-лый... — сладко пропел ее голос.

Он зажал уши руками, закрыл глаза и застонал от непереносимой душевной муки.

– Ми-лый! — отчетливо донеслось снизу.

Он перегнулся через перила и увидел ее прекрасное лицо в кустах сирени. В огромных глазах отражался лунный свет, и она ласково манила его к себе.

– Иди ко мне, милый, иди, — шептала она, перебегая от одного куста к другому и сливаясь с ними.

– Где ты? — в отчаянии закричал он.

– Я здесь, — прошептала она, разводя ветви сирени. — Иди ко мне, я жду тебя, ну иди же! — взмолилась она и вновь протянула к нему руки, которые теперь уже почти касались его лица.

– Иду, — прошептал он в ответ и ринулся вниз. — Я иду к тебе... иду... иду... — повторял он, испытывая ни с чем не сравнимый восторг от полета и радость от предстоящей с ней встречи.

***

Сергей не любил вспоминать студенческие годы. Слишком много обид и разочарований было с ними связано.

В его группе был студент по фамилии Федоров — этакий рубаха-парень из глубинки, который, хотя никто его об этом не просил, взял на себя миссию борца за справедливость, защитника прав «униженных и оскорбленных» и по совместительству миротворца. Он с энтузиазмом кидался улаживать конфликты, которых, в сущности, и не было. Стоило одному студенту сказать другому что-то вроде: «Ну ты и тормоз», тут же, как черт из табакерки, неизвестно откуда выскакивал Федоров и раздражался гневной тирадой:

– С какой стати ты его оскорбляешь? Ты хочешь сказать, что он тупой? А он, между прочим, ничуть не глупее тебя. Немедленно извинись!

И бедолага, несмотря на то что в их среде это была расхожая фраза, вынужден был извиняться, совершенно не понимая за что. Федоров дружелюбно похлопывал «оскорбленную» сторону по плечу со словами:

– Надо уметь за себя постоять, а то тебя не будет унижать только ленивый. Послушай, — как бы между прочим добавлял он, — я забыл в общаге кошелек. Займи до завтра пару сотен, а то я с голоду сейчас мел начну жрать.

Таким образом, походя, он занимал у «пострадавших» деньги, которые и не собирался отдавать.

Еще в первом семестре Федоров одолжил у одной из сокурсниц сто тысяч якобы для того, чтобы купить дорогое ле-

карство для тяжело больной матери. Прошло больше года, и, похоже, он вовсе не собирался возвращать деньги, несмотря на то что она неоднократно со всей возможной деликатностью напоминала ему о долге. Когда же терпение девушки лопнуло и она в присутствии одноклассников, бывших свидетелями этого займа, потребовала вернуть всю сумму в кратчайшие сроки, Федоров понял, что если он этого не сделает, то его репутации борца за справедливость придет конец.

Поскольку из всей группы он не занимал деньги только у Сергея, то именно к нему парень кинулся за помощью. Тот вошел в его положение и готов был ссудить ему необходимую сумму, но при этом потребовал расписку. Деваться Федорову было некуда, и он согласился. Но получив деньги, парень, пылая праведным гневом, рассказывал приятелям:

– Представляете, у меня мать умирает, срочно понадобились деньги на операцию, я попросил у него в долг на неделю вовсе даже не огромную сумму, а он мне: «Расписку пиши!» Ну не сволочь ли, а?!

Те сочувственно кивали, и с той поры за Сергеем прочно закрепилась репутация жлоба.

А вскоре произошло еще одно событие, окончательно превратившее его в парию.

Преподаватель истории психологии имел репутацию «зверя», поскольку валил всех нещадно. Накануне экзамена Федоров объявил:

– Я нашел выход на профессора, будем сдавать за наличку. С каждого по десять тысяч. Он предупредил, что всем, конечно, пятерки не поставит, но двоек не будет. Так что гоните деньги.

Студенты повозмущались, но раскошелились. Все, кроме Сергея, который заявил:

– На пятерку я не претендую, а на тройку и без подготовки сдам.

И все бы прошло гладко, если бы несколько студентов не получили двойки. Все бросились к Федорову.

– Профессор пересчитал деньги, — оправдывался тот. — Сумма с количеством студентов не сошлась, он заподозрил неладное – и вот результат. Это все из-за Сергея, — заключил он.

На счастье профессора, кто-то из студентов рассказал эту историю родителям, и те обратились с жалобой в деканат. Началось расследование. Федоров, не моргнув глазом, нагло утверждал, что передал деньги преподавателю. И пострадал бы невинно бедный профессор, если бы его друг не работал на юрфаке, где имелся «детектор лжи». Тот предложил создать комиссию, проверить обоих и по результатам передать дело в суд на одну из сторон. В тот же день Федоров вместе с деньгами исчез из города. Всем все стало ясно, группа явилась к профессору с извинениями, но почему-то, скорее всего по инерции, студенты продолжали считать виновником произошедшего именно Сергея. Он стал объектом на-

стоящей травли: в его сторону постоянно отпускались мерзкие шуточки, звучали язвительные замечания по поводу его внешности. Одногоруппники неприкрыто радовались, когда Сергей проигрывал дискуссию с преподавателем, и высмеивали его нравственные принципы. Ему одному забывали сообщить о переносе или отмене даты экзамена, а его имя таинственным образом исчезало с титульного листа коллективной конкурсной работы, большую часть которой проделал именно он.

А в конце третьего курса случилось нечто такое, что окончательно похоронило надежды Сергея на установление нормальных отношений с сокурсниками.

Окончание весенней сессии решено было отметить на даче у одного из студентов. К огромному удивлению Сергея, позвали и его — едва ли не впервые. Поколебавшись, он в конце концов принял приглашение, решив, что в неформальной обстановке ему наконец-то удастся подружиться с ребятами. Если бы Сергей знал, чем все закончится...

Большинство студентов отнюдь не бедствовали: у кого-то были вполне обеспеченные родители, безотказно снабжавшие своих чад наличными, кто-то давно уже подрабатывал. Еды было полно, а спиртного — больше, чем воды в кране. Дача находилась на самом берегу небольшого озера среди живописных карельских скал. Было уже достаточно тепло, и ребята купались, азартно ныряя с двух резиновых лодок, привезенных любителями рыбной ловли. К вечеру все

напились так, что уже с трудом узнавали друг друга. Трезвым оставался один Сергей, поскольку, будучи абсолютно равнодушным к спиртному, пил только сок. Градус веселья зашкаливал, и вечеринка постепенно превращалась в оргию. Отовсюду доносились повизгивания, игривый смех девиц и сладострастные стоны. Одна из девушек, невзрачная Лиза, с унылым лицом сидела в стороне, отчаянно икая. Верзила Скоков попытался ее поцеловать, но был отвергнут. Затем счастья решил попытаться вертлявый Агеев, но и его постигла та же участь. Тогда парни решили не церемониться и, опрокинув девушку на пол, стали срывать с нее одежду. Она отчаянно визжала и сопротивлялась как могла. Парочки на время отвлеклись от любовных утех и с интересом наблюдали за происходящим, время от времени отпуская скабрзные шутки.

— Что вы делаете?! — возмутился Сергей. — Немедленно отпустите ее!

Парни на мгновение застыли, а затем Скоков встал и с мерзкой ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего, направился к нему.

— Что, тоже хочешь? Так попроси по-хорошему, мы не жадные... А чего орать-то?

— А у него не стоит! — крикнул Агеев, и раздался дружный издевательский смех.

— Ну, не стоит так не стоит... Тут, как говорится, медицина бессильна. Только другим мешать не надо. У кого стоит. А

то смотри, озеро-то здесь глубокое... — И, сплюнув Сергею под ноги, Скоков вернулся к жертве и продолжил начатое.

Сергей не был борцом по натуре, да и физически он был не слишком силен. Он прекрасно понимал, что не справится с двумя этими уродами, поэтому ему не оставалось ничего другого, как с позором ретироваться. Сергей вышел из дома, сел в лодку и поплыл вдоль берега.

Вернувшись через пару часов, он обнаружил пустой дом и бившуюся в истерике Лизу. Она сбивчиво рассказала Сергею о том, что ее изнасиловали не только эти двое, но еще и другие, причем не без участия девиц, которые держали ее и подначивали парней.

— Давай вызовем полицию, — предложил Сергей, когда Лиза немного успокоилась.

— Да-да, давай! Пусть этих подонков посадят! — оживилась Лиза, но тут же сникла: — Хотя какая полиция? Я ведь тоже принимала наркотики...

— Наркотики? — переспросил Сергей.

— А ты что, нет? Хотя что я спрашиваю — они же от тебя скрывали.

— Так ты, значит, тоже была под наркотой?

— Я только попробовала.

— Думаю, что заявить все равно надо.

— Да-да, конечно, но только не сейчас, только не сейчас! — затараторила Лиза и вновь взорвалась отчаянным плачем.

Всю ночь они молча просидели друг напротив друга. Ед-

ва рассвело, так же молча дошли до станции, сели в электричку и молча же доехали до города. Сергей не знал, что ей сказать, как утешить, подбодрить... Ему было мучительно стыдно. Стыдно за свою беспомощность и трусость, за подонков-сокурсников, изнасиловавших несчастную, за девиц — соучастниц насилия и даже за Лизу, не устоявшую от соблазна получить наркотический кайф, а теперь не решавшуюся постоять за себя.

— Что собираешься делать дальше? — спросил он у девушки, прощаясь с ней в метро.

— Дальше... — Лиза грустно усмехнулась.

Она казалась совершенно, даже как-то неестественно спокойной, и это напугало Сергея.

— Пожалуйста, только не наделай глупостей! Считай, что это был просто страшный сон. Они осквернили твоё тело, но не душу. Постарайся назло им стать счастливой.

— Не бойся, я не покончу с собой. Это бы убило мою маму — у неё большое сердце, а я её очень люблю. Просто уеду домой и переведусь в местный педагогический. Завтра же заеду в университет и узнаю, что для этого надо сделать. Мама будет рада...

— Вот и правильно, вот и умница! — радостно засуетился Сергей. — Если понадобится помощь, звони, не стесняйся.

Он вырвал из записной книжки, которую всегда носил с собой, листок, накарябал на нём номер своего телефона и протянул Лизе.

— Спасибо, — сказала она, взяв его в руки, и, помолчав, добавила: — Ты не переживай, тебе бы все равно было с нами не справиться. Но ты единственный, кто попытался за меня заступиться, и я благодарна тебе за это.

В этот момент подошел поезд, Лиза вошла в вагон и помахала ему рукой. Больше он ее никогда не видел...

На четвертом курсе девушки уже не было.

Странно, но эта мерзкая история обернулась для него благом: однокурсники оставили его в покое. Они уже не позволяли себе мерзких шуточек в его адрес, ехидных реплик за его спиной и издевательских замечаний во время его выступлений с докладами. Более того, они даже стали проявлять по отношению к нему некое подобие дружелюбия! Сначала Сергея смутили и насторожили такие перемены, но когда к нему подошла целая делегация и парни, переминаясь с ноги на ногу, попросили никому не рассказывать о случившемся, он понял, в чем дело. Они вовсе не угрызениями совести мучились, а просто-напросто боялись огласки. Дело шло к окончанию университета, многие из них собирались делать карьеру, и такое пятно на репутации им было совершенно ни к чему. Ведь всплыви эта история, то, даже если бы ее удалось замять, запашок-то, как говорится, остался бы...

Сергей вовсе не собирался рассказывать о случившемся направо и налево, поскольку и сам во всем этом выглядел далеко не лучшим образом. Поэтому он только кивнул в знак согласия, и парней это вполне удовлетворило. Таким обра-

зом Сергей до окончания университета обеспечил себе относительно спокойную жизнь.

Но он никак не мог выкинуть из головы эту историю. Теперь ему часто снился один и тот же кошмарный сон: он заходит в какую-то комнату и видит там висящее в петле мертвое тело Лизы. Он пятится к двери, но в этот момент она открывает глаза и, глядя на него в упор, жалобным голосом спрашивает его, почему он ее не спас. Каждый раз после этого Сергей просыпался в холодном поту, а потом долго не мог уснуть вновь. Однажды он не выдержал, соскочил с кровати, подбежал к рабочему столу и, стремясь избавиться от навяздения, на одном дыхании написал свой второй рассказ.

ВИЗИТ САТАНЫ

Поднявшись по темной и грязной лестнице, он долго не мог попасть ключом в замочную скважину и с трудом открыл входную дверь. На кухне соседка готовила ужин. Ее любовник Лёва, или Лев, как он сам себя величал, стоя перед зеркалом у раковины, одновременно служившей умывальником, поскольку ванной в квартире не было, любовался на свое отражение, мурлыча себе под нос какую-то песенку. Кивнув в ответ на их приветствие, он разделся и вошел в свою комнату. Привычным движением нажал на кнопку выключателя, но свет не зажегся. Пощелкав несколько раз, он попытался включить настольную лампу, но и она не загора-

лась. «Должно быть, замыкание, надо бы посмотреть», — подумал он и направился было к двери, но передумал, щелкнул зажигалкой, зажег свечу и уселся на диван, раскрыв альбом с репродукциями Босха. При бликах свечи они казались еще более зловещими. Он много раз видел эти репродукции, но сейчас его вдруг охватил ужас. Возникло ощущение, будто кривляющиеся демоны и жуткие монстры плясали и корчились вокруг него, что он попал в царство Антихриста. Он застыл в страхе, мышцы напряглись и окаменели, казалось, сделай он хоть малейшее движение — и вся эта беснующаяся свора набросится на него.

Шум в углу комнаты вывел его из оцепенения. Ему показалось, что кто-то копошится на чемодане, стоящем в углублении между стеной и секретером. Он взял свечу и направился туда, откуда доносился шум. В углу сидело крохотное существо, похожее на обезьянку. Оно жалобно поскуливало и суетливо пыталось прикрыть лапками большой облезлый живот. Поднеся свечу ближе и присмотревшись, он увидел маленькие рожки и дрожащие копытца, выбивающие частую дробь. «Да это же черт! — догадался он и застыл от ужаса. — Да нет же, этого не может быть, потому что не может быть никогда! Я, должно быть, задремал, когда рассматривал репродукции Босха. Сейчас я очнусь и этот кошмар прекратится».

— Мне холодно, — раздался из угла слабый дребезжащий голосок, прозвучавший так жалобно и беззащитно, что охва-

тивший было его дикий страх моментально прошел. Он взял чертенка за лапку и повел к дивану. Тот едва держался на тоненьких ножках. Пришлось поставить свечу на пол, взять его на руки, отнести на диван и усадить там, накрыв пледом.

Свеча оказалась как раз напротив непрошеного гостя, так что теперь он смог рассмотреть его получше. Чертенок был маленький, его крохотное тельце лишь кое-где было покрыто волосенками, грязно-белые копытца отчетливо выделялись на черных ножках. Мордочку он рассмотреть не мог, так как гость сидел с опущенной головой, а вот его маленькие рожки вызывали скорее улыбку, чем страх. Чертенок жалобно поскуливал, словно брошенный щенок, и жаловался на голод. Он бросился на кухню и принес оттуда ветчину, сыр и хлеб.

– Не хочу! — взвизгнул тот и с такой силой оттолкнул поднос, что еда разлетелась по всей комнате.

– А что же тебе надо? — растерянно спросил он.

– Сердце, хочу человеческое сердце и крови, — заблеял чертенок, трясясь от возбуждения.

– Еще чего! — возмутился он и стал собирать с пола пищу.

– Сердце, хочу сердце и крови! — услышал он низкий, раздраженный, совсем не похожий на прежний голос. Это заставило его подняться и повернуться к гостю. Их взгляды встретились. На него смотрела жуткая морщинистая морда с торчащими из пасти огромными клыками. Нестерпимый блеск желто-зеленых глаз этого существа вызывал животный

ужас. Их взгляд завораживал человека, лишал его сил, эмоций, воли и словно высасывал из него душу.

Жуткое молчание нарушил шум в коридоре. Это соседка провожала своего любовника.

– Пойди и принеси мне ее сердце! — велел черт.

Соседка, возбужденная состоявшимся свиданием, мыла у раковины руки, весело напевая: «Парней так много холостых, а я люблю женатого». Он подошел к ней.

– Ну как дела? — с улыбкой спросила она, обращаясь к его отражению в зеркале. Не отвечая, он схватил со стола утюг и занес над ее головой. Увидев это, соседка вскрикнула, отпрянула в сторону, но было поздно. Мощным ударом он проломил ей череп и изуродовал лицо. Ее безжизненное тело тяжело рухнуло на пол, опрокинув мусорное ведро.

Ему было страшно и мерзко, зловоние, исходившее от помоев, вызывало позывы к рвоте. Он хотел бежать, но вместо этого, словно находясь под гипнозом и подчиняясь чужой воле, взял нож и, разорвав блузу жертвы, вскрыл ее грудь и обнажил сердце.

Он вдруг с ужасом поймал себя на мысли, как легко и умело он все это проделал, словно совершал подобное не впервые.

В какой-то момент при виде обнаженного человеческого сердца его охватило странное возбуждение. Но едва он к нему прикоснулся, оно затрепетало, словно пытаясь вырваться из его рук. Брызги крови разлетались вокруг и окра-

шивали все алым цветом. Наконец он пронзил сердце ножом, и, издав звук, похожий на стон, оно замерло. Он с остервенением рванул его двумя руками. Из зияющей раны в груди он набрал кружку крови и вернулся в комнату.

Черт ждал его у самой двери. Он с жадностью набросился на сердце и, завывая, стал рвать его зубами, запивая кровью из кружки.

Насытившись, он побрел в угол комнаты, рыча и взвизгивая от удовольствия. Из его глаз исходил леденящий душу могильный свет. Всю ночь несчастный простоял, не сходя с места, а наутро, изнемогая от усталости, побрел на работу. Сотрудников напугали его бледность, огромные синяки под глазами и отсутствующий взгляд, и они стали хором уговаривать его идти домой и немедленно вызвать врача. В конце концов, только ради того, чтобы избавиться от их назойливой опеки, он отпросился у начальства, которое даже не стало задавать каких-то лишних вопросов, и ушел с работы. Но при одной мысли о возвращении в этот ад его охватывал панический ужас. Весь вечер он бродил по улицам города, а к ночи пришел к другу и, не отвечая на его расспросы, лег спать.

Он пытался заснуть, но ему это никак не удавалось. Как только он закрывал глаза, ему начинали мерещиться кошмары.

Вот появляется убитая им соседка с изуродованным лицом. Она держит утюг, которым он размозжил ей голову.

Женщина хватается его руку, прижимает к спинке кровати и изо всех сил бьет по ней своим орудием, явно задумав отсечь ее. Он вырывается, пытается спрятать руку под одеялом, но она вновь хватается ее и все повторяется сначала. Но вот наконец соседке удается достичь цели. Она торжествующе потрясает отсеченной конечностью и растворяется во тьме, почему-то не захватив с собой трофей. Все это происходит в зловещей тишине, без единого звука, и оттого кажется еще более кошмарным. Отсеченная рука на мгновение замирает в воздухе, затем взмывает вверх и начинает парить под самым потолком. Затем, резко спикировав, неистово мечется и скребет стены, пол, мебель, словно чего-то ищет. Из руки беспрестанно течет кровь, и вот уже вся комната залита ею. На мгновение она останавливается, разворачивается, стремительно подлетает к кровати, на которой он лежит, и начинает рвать его тело, а затем вцепляется ему в горло и пытается задушить. Он хочет закричать, открывает рот, но не может издать ни звука. Рука хватается его за волосы, стаскивает с постели и тащит к двери.

Очнувшись в холодном поту, он открыл глаза и посмотрел на часы, висевшие на стене: они показывали четверть первого. Повинуясь неведомой силе, он встал, оделся и вышел из дома. Мрачно бродил он по темным и безлюдным улицам ночного города, пока окончательно не выбился из сил. С большим трудом ему удалось поймать такси.

– К «Московским воротам» отвезете? — спросил он вы-

сунувшегося из окошка водителя.

– Да без проблем! Но только при одном условии: если вы заплатите еще и за девушку. Она у меня прехорошенькая, а уж что вытворяет в постели... Не сомневайтесь, удовольствие получите превеликое! Кстати, можете взять ее на всю ночь, не намного дороже выйдет. Ну что, согласны?

– Идет, — секунду поколебавшись, ответил он.

Щелкнул замок, и он сел на заднее сиденье, где клиента ожидала и в самом деле очень хорошенькая молоденькая проститутка.

– Ирэн, — хриловатым голосом представилась она.

«Слава богу, не один, не один!» — стучит у него в висках.

Поднимаясь по лестнице, сам не понимая почему, он ускорил шаг.

– Пожалуйста, не так быстро, — попросила Ирэн. — Здесь темно, и я ничего не вижу.

Войдя в квартиру и оставив девушку в коридоре, он осторожно заглянул в свою комнату. Вся она была озарена ужасающим желто-зеленым светом. Он в страхе захлопнул дверь и повел проститутку на кухню, совершенно забыв, что там лежит труп соседки. Щелкнул выключатель. Ирэн, увидев тело, вскрикнула и крепко прижалась к нему.

– Замолчи, — прошептал он, обхватив ее одной рукой, а другой пытаясь закрыть ей рот. Но она закричала еще громче и в ужасе отпрянула от него. Он схватил ее за горло и, повалив, начал душить. Когда она обмякла, он с ловкостью

тигра разорвал ее грудь.

Дрожа от возбуждения, он внес в комнату еще теплое сердце Ирэн и чашку с кровью. Черт с жадностью набросился на угощение. Он торжествовал: человек был полностью в его власти.

С ночи в городе шел проливной дождь. Он ушел из дома еще затемно и остаток ночи, измученный, бесцельно бродил по городу, оставляя за собой на асфальте кровавый след. Наконец рассвело. Он спустился к каналу, обмыл руки и лицо. «Утопиться, — мелькнула мысль. — Утопиться, лишь бы прекратить этот кошмар, не видеть этого ужаса, не убивать, не мучить себя! Но хватит ли силы воли, чтобы не выплыть? Надо связать руки и прыгнуть», — подумал он, достал платок и зубами попытался затянуть узел.

В это время на набережной слышались женские голоса. Судя по всему, разговаривали две пожилые женщины.

– Здравствуйте, Софья Павловна, — сказала одна из них.

– Здравствуй, Тимофеевна, — ответила другая. — Куда это ты так спешишь?

– Да в церковь.

– Небось, грехи замаливать?

– Скажете тоже, Софья Павловна, какие у меня теперь грехи... Нынче же праздник — Рождество Богородицы. А вы-то почему в церковь не ходите? Ведь не в грехах дело, от всяких дьявольских напастей оберегать себя надо. А как это иначе сделать можно, если не молитвой во храме Божьем?

Женщины ушли, а он воспринял подслушанный разговор как знак свыше. Быстро поднявшись на набережную, он поспешил к храму, куда на службу стекались толпы верующих. Он подавал всем без разбора толпящимся у его стен убогим, нищим, старушкам и пьяницам.

Войдя в храм, он облегченно вздохнул, в его душе вспыхнула надежда, что преследующий его кошмар наконец-то закончится. Но не успел он перекреститься, как неизвестно откуда появилась ворона. Она кружилась над ним со зловещим карканьем, словно пытаясь изгнать его из сакрального места. Прихожане застыли от ужаса. Он изловчился, с силой взмахнул рукой – и птица упала на пол, распластав крылья.

Он подошел к иконе Иисуса Христа, зажег и поставил свечу, которую купил при входе. В то же мгновение сильный поток воздуха, исходивший из алтаря, задул все свечи, горевшие перед иконой, и она исчезла, растворилась в полумраке.

Он вышел на улицу, где по-прежнему лил дождь. По дороге домой не встретил ни одного человека. Город как будто вымер. Это дождь разогнал прохожих, но ему казалось, что люди спрятались от него, опасаясь стать его жертвой.

На лестничной площадке дворничиха, ругаясь, убирала мусор. Он подкрался к ней сзади, изо всех сил толкнул ее – она вскрикнула, упала, со всего маха ударилась головой о ступени и осталась лежать без движения. Убедившись, что дворничиха мертва, он хотел затащить ее крупное тело в квартиру, но оно оказалось слишком для него тяжелым. То-

гда он быстро сбегал за ножом и прямо на лестнице вскрыл ее грудную клетку и вырвал сердце.

Едва он вошел в комнату с сердцем жертвы, еще трепещущим в руках, как черт дико застонал: «А где кровь? Я хочу крови, принеси мне кровь!»

Он схватил стоящую на столе кружку и опрометью кинулся на лестницу, чтобы набрать крови из еще не успевшего остыть тела своей очередной жертвы, но его почему-то уже там не было. Тогда он метнулся назад в квартиру, забежал на кухню, надеясь, что ему удастся хоть сколько-нибудь наскрести ее из лежащих там тел.

Трупы уже начали разлагаться и издавали невыносимое зловоние. Он судорожно скреб кружкой то по одной разверстой грудной клетке, то по другой, но кровь жертв уже запеклась и ему удалось добыть лишь несколько сгустков.

Когда, вернувшись в комнату, он протянул кружку черту, тот с бешеной яростью отшвырнул ее и заревел:

– Крови, я хочу крови! — Его желто-зеленые глаза полыхнули адским пламенем и побелели. Мелкими шажками черт стал приближаться к нему. Он то съеживался до чуть ли не микроскопических размеров, то превращался в великана, упиравшегося головой в потолок. Приблизившись вплотную, сатана впился ему в грудь когтями и одним рывком разорвал ее, а затем клыками стал вгрызаться в трепещущее сердце. Он испытывал невыносимую боль, пронизывающую все его тело. Человек хотел оторвать ужасную пасть от своей

груди, но не мог пошевелиться. Воля его была парализована. Он чувствовал, как из тела уходит жизнь, как оно холодеет...

Уже находясь в предсмертной агонии, он успел заметить, как из его растерзанной груди выплывает пульсирующий и излучающий ярко-голубой свет небольшой шар. Это было последнее, что он увидел в своей жизни. С диким ревом сатана набросился на шар и, жадно схватив его, исчез, разразившись лающим хохотом. Еще одна человеческая душа стала его добычей.

***

Как будущий психолог, Сергей не мог не понимать, что стихийно вырвавшиеся из его подсознания рассказы с таким безысходно-трагическим концом — это не что иное, как проявление патологического состояния психики. Его психики. Но его «Я» категорически отказывалось признавать этот факт. А как известно, легче всего уговорить самого себя...

***

В психокоррекционном центре, где Сергей без малого десять лет руководил сектором психологической поддержки семьи, он считался лучшим специалистом.

Должность, которой он очень гордился, далась ему совсем не просто. Когда его предшественница ушла на пенсию,

директор центра — грубоватая и прямолинейная, но справедливая и высокопрофессиональная дама неопределенного возраста — назначила руководителем сектора семейных проблем Сергея. Выбор был адекватен, ей казалось, что он, будучи прекрасным специалистом, сможет, что называется, подтянуть других членов группы до своего уровня. Однако у них были свои виды на будущего шефа. Никто не хотел быть под началом неуживчивого и желчного человека — они предпочли бы видеть своим начальником Андрея, который, конечно, звезд с неба не хватал, но был надежным и справедливым, к тому же самым старшим из них по возрасту. Свое несогласие члены группы выразили весьма своеобразно: в день назначения Сергея они не пришли на свои рабочие места, а собрались в совещательной комнате. В ожидании директрисы коллеги обсуждали, каким образом им следует действовать, чтобы начальником назначили именно Андрея.

Узнав о случившемся, Сергей вспомнил историю, рассказанную ему дедом.

***

Когда ему было лет десять, он что-то не поделил с мальчишкой из соседнего двора — и в результате завязалась драка. Родители пацаненка явились к деду с претензиями, но тот, к огромному удивлению Сергея, не стал учинять ему очередной разнос, а вместо этого, усадив его рядом с собой, сказал:

– Знаешь, внук, я хочу рассказать тебе одну историю. Был такой киевский князь по имени Игорь. Как-то раз он, собрав дань с племени древлян, решил, что, пожалуй, маловато будет, и вернулся с дружиной, надеясь потрясти их более основательно. Те возмутились, убили алчного князя, а заодно перебили всех его дружинников.

Князь древлян отправил послов к вдове Игоря княгине Ольге. Они должны были сообщить ей о смерти мужа и предложить стать женой их князя. Послы приплыли в Киев на ладье, Ольга встретила их весьма радушно и даже обещала на следующий день выказать им особое уважение и пронести их судно вместе с ними по улицам города.

А наутро ладья вместе с послами оказалась в глубокой яме, выкопанной киевлянами за ночь, при этом мстительная княгиня приказала немедленно зарыть ее, похоронив таким образом ни в чем не повинных людей заживо.

Второе посольство древлян княгиня тоже встретила приветливо и даже велела истопить для гостей баню. Но как только они туда вошли, слуги Ольги заперли двери и подожгли строение с четырех сторон. Никто из находившихся в бане не спасся...

Пылая жаждой мести, вдова Игоря княгиня Ольга начала готовить поход на Искоростень, столицу древлян, преисполненная решимости стереть ее с лица земли. И вскоре возглавляемая ею дружина осадила город. Но его жители неожиданно оказали врагам отчаянное сопротивление, и войско

Ольги несколько месяцев не могло захватить Искоростень. Измученные осадой древляне предложили ей любой выкуп, и она согласилась его принять, запросив при этом ничтожную дань — по три голубя и три воробья с каждого двора. Не ожидавшие подвоха жители города с радостью доставили птиц в ее лагерь. Ближе к ночи Ольга велела отпустить их, но перед этим привязать к лапкам веревочки с тлеющей серой. Птицы вернулись в свои гнезда, свитые под крышами домов, и в Искоростени начался пожар, а следом за ним — и паника. Древлян, пытавшихся выбраться из пылающего города, за крепостными воротами встречали дружинники Ольги. Они убивали всех, кто попадал им в руки, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Город же выгорел дотла...

Надеюсь, ты понял, к чему я тебе это рассказал? Если хочешь победить врага, вовсе не обязательно использовать грубую силу — иногда лучше прибегнуть к хитрости.

И теперь Сергей знал, что и как именно ему нужно делать, чтобы все-таки получить вождеденную должность.

***

— Не стоит ломать копья, я сам понимаю, что и по опыту, и по стажу работы я не могу занимать эту должность. Начальник должен быть не только высококлассным специалистом, необходимо также, чтобы подчиненные его уважали и любили, — с порога начал Сергей, входя в комнату, где со-

брались сотрудники.

Слово «любили» он произнес с такой теплотой и нежностью, что каждый понял, что этого чувства они к Андрею уж точно не испытывают.

– Поэтому, — продолжал Сергей, — лучшим кандидатом на вакантную должность заведующего сектором, конечно же, является наша общая любимица Лера.

Сотрудники потеряли от неожиданности дар речи. Лера действительно была общей любимицей. Умом она не блистала, но была простодушной и очень доброй. Жена богатого бизнесмена, Лера часто приглашала коллег в свой загородный дом, где все отъедались и откуда возвращались с пакетами, полными продуктов. Будучи человеком отзывчивым, она моментально откликалась на проблемы сотрудников и их просьбы: ссужала их деньгами и при этом никогда не требовала от них вернуть долг, что-то доставала... Все девицы носили ее туфли и платья, щедро раздариваемые ею после непродолжительной нбски.

Лера растерялась – она совершенно не понимала, что происходит. Ее огромные ресницы, приклеенные к маленьким куриным глазкам, глупо запрыгали, на детском лице, не обремененном интеллектом, появилась растерянная улыбка, обезоружившая сотрудников. После таких слов никто не смог сказать «нет» и все молча закивали.

– Тогда, если нет возражений, я откажусь от должности и доложу начальству о решении коллектива. Если будем ми-

тинговать, подадим дурной пример другим и вызовем у всех раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.